

ИСТОРИЯ НАУКИ

СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА И СУДЬБА КНИГИ: НИКОЛАЙ ШНАКЕНБУРГ И КНИГА “ЭСКИМОСЫ СССР”

Н.Б. Вахтин

Николай Борисович Вахтин | <http://orcid.org/0000-0002-4011-2141> | vakhtin@eu.spb.ru | д. филол. н., член-корр. РАН, профессор факультета антропологии | Европейский университет в Санкт-Петербурге (ул. Гагаринская, д.6/1 А, Санкт-Петербург, 191187, Россия)

Ключевые слова

история этнографии, Николай Шнакенбург, Владимир Богораз, Чукотка, эскимосы, сталинский террор

Аннотация

Статья посвящена исследованию биографии малоизвестного молодого этнографа Николая Борисовича Шнакенбурга (1907–1941), ученика В.Г. Богораза, работавшего в 1930–1933 гг. на Чукотке и погибшего на фронте под Ленинградом. В статье рассматривается, кроме того, вопрос об авторстве неопубликованной рукописи “Эскимосы СССР”, первого полноценного описания эскимосов Чукотки. Статья написана на основе документов, обнаружившихся в семейном архиве потомков Н.Б. Шнакенбурга и ранее не вводившихся в научный оборот.

Информация о финансовой поддержке

Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 22-18-00238] (“Земля храбрых: Преодоление неопределенности при взаимодействии с физической и социальной средой в российской Арктике”)

Цель настоящей статьи – представить материалы, позволяющие существенно уточнить события недолгой жизни этнографа Николая Борисовича Шнакенбурга (1907–1941), а также историю написания рукописи “Эскимосы СССР”, которая так никогда и не была опубликована. Источником для статьи стали новые архивные материалы, любезно переданные автору наследниками Н.Б. Шнакенбурга.

Доступные до сих пор сведения о жизни Шнакенбурга немногочисленны; их можно найти на сайте Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера)¹, а также на некоторых на других сайтах²; самой подробной и точной публикацией до последнего времени была статья А.М. Решетова (*Решетов* 1995).

Статья поступила 27.04.2024 | Окончательный вариант принят к публикации 06.06.2024

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Вахтин Н.Б. Судьба человека и судьба книги: Николай Шнакенбург и книга “Эскимосы СССР” // *Этнографическое обозрение*. 2024. № 5. С. 177–199. <https://doi.org/10.31857/S0869541524050109> EDN: ARUELZ

Vakhtin, N.B. 2024. Sud'ba cheloveka i sud'ba knigi: Nikolai Schnakenburg i kniga “Eskimosy SSSR” [The Fate of a Person and the Fate of a Book: Nikolai Schnakenburg and the Volume “The Soviet Eskimos”]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 177–199. <https://doi.org/10.31857/S0869541524050109> EDN: ARUELZ

В 2023 г. в Интернете появилась подготовленная внучкой Н.Б. Шнакенбурга Ольгой Степановой совместно с Жанной Паршевой публикация³, в которой приводятся подробные сведения о его родословной и публикуются (с сокращениями) его письма к родным с Чукотки. Именно через эту публикацию мне удалось познакомиться с дочерью Шнакенбурга Людмилой Николаевной, которая, несмотря на трудности и опасности, сумела сохранить семейный архив.

Статья состоит из двух частей: первая посвящена судьбе человека, вторая — судьбе книги⁴.

Судьба человека

Согласно выписке из метрической книги Вознесенской церкви города Переславля Владимирской губернии⁵, Николай Борисович Шнакенбург родился 22 января 1907 г. Родители — “запасной корнет Иркутского драгунского полка Борис Робертович Шнакенбург и жена его Надежда Павловна”.

Отец, Борис Робертович Шнакенбург (1881—1935), родился там же, в Переславле-Залесском в марте 1881 г. Военный, во время Первой мировой войны — сотник 2-го Кубанского казачьего войска⁶. Мать — Надежда Павловна Засс (1884—?), дочь известного в Переславле-Залесском фабриканта Павла Александровича Засса.

Судя по сохранившимся детским фотографиям и учитывая, что Николай происходил по материнской линии из состоятельной и довольно известной в Переславле-Залесском семьи (дед — Павел Александрович Засс, владелец нескольких фабрик, бабка — Надежда Сергеевна Засс [Павлова], дочь купца 1-й гильдии и фабриканта, потомственного Почётного гражданина города Переславля-Залесского), можно предположить, что его детство было вполне благополучным. Возможно, у него был домашний учитель; возможно, он учился в Переславской гимназии⁷ (а впрочем, это вряд ли: 10 лет ему сравнялось аккурат в январе 1917 г.).

Мало что известно о том, как революция повлияла на жизнь семьи. Вполне вероятно, что Шнакенбург отнесся к революции иначе, чем его дворянско-купеческие родители; мы знаем, что уже в 1924 г. (ему 17 лет) он уехал из Переславля-Залесского в Тулу, жил там один и устроился учеником сапожника⁸. Глухой намек на его юношеские эскапады, возможно на ссору с семьей, находим в его письме матери с Чукотки (август 1931 г.): “Пусть мать простит беспутного сына за былые года мальчишеской удали, за буйное время озорства, сын об этом очень думает много и ничего не забыл. Беспутный сын обещает зато жить в большой дружбе с братьями, пусть мать еще раз напомнит им об этом”.

Другое письмо, брату, от 25 августа 1931 г.: “В свое время я из-за окружения тетушек и дядюшек не мог попасть в комсомол и об этом очень жалею. Читаю и сейчас много политических книг. Не слушай рассуждений многих окружающих тебя из переславских, и следуй дорогой рабочего класса. Когда я скитался почти без куска хлеба в оборванной шинели, в драных штанах, я помню какой приём мне оказывали люди с достатком, как они меня встречали по платью. Это я никогда не забуду”.

Возможно, кроме того, что в новых условиях Шнакенбургу, как и всем лицам “непролетарского” происхождения, необходим был рабочий стаж, без которого в те годы нельзя было поступить в университет, и в Тулу он уехал именно в поисках “правильной биографии”. Вполне вероятно, что им двигали оба эти мотива одновременно.

Рабочим Шнакенбург пробыл необходимые “для стажа” два года: 3 октября 1925 г. он получил от коллектива безработных сапожников при Биржевом комитете справку, выданную “рабочему Николаю Шнакенбургу в том, что он действительно работает в означенной мастерской и получает в месяц (его заработок) 10 руб. (десять рублей), в чем подлинно с приложением печати подтверждаем”.

Однако сапожником он пробыл недолго: удостоверение от 8 июня 1926 г. выдано Шнакенбургу “в том, что он состоит на службе в Тульской Губернской Ветеринарно-Бактериологической лаборатории сначала в течение 4-х месяцев практикантом, а затем с 1-го февраля 1926 года по сие время в должности препаратора и отличается чрезвычайной аккуратностью и исполнительностью в исполнении своих обязанностей”.

Параллельно он, видимо, учился: 18 июня 1926 г. ему было выписано Свидетельство об окончании в том же году полного курса “Тульской 8-й школы взрослых повышенного типа”. По всем предметам “гр. Шнакенбург выявил успешные познания”.

Председатель группкома Тулгубветбаклаборатории пишет ему 8 июня 1926 г. рекомендацию для поступления в вуз: “г. Шнакенбург чрезвычайно трудолюбив, способен и является достойным кандидатом на высшее образование”. Шнакенбург запасается всеми нужными справками: удостоверением от 4 сентября 1926 г. о том, что “состоял на службе в Тулгубветбаклаборатории препаратором с 1/II по 27/VIII 1926 г. и уволился по собственному желанию для поступления в ВУЗ”; и от того же числа – справкой о том, что “он состоит на службе в Тулгубветбаклаборатории в должности препаратора с окладом содержания по 11 разряду – 34 р. 50 к.” и “с 27 августа по 27 сентября находится в месячном отпуске, но без сохранения содержания”. Все эти справки сделали свое дело: в сентябре 1926 г. Шнакенбург поступил на этнографическое отделение географического факультета Ленинградского университета.

Коротко об этом не совсем обычном учебном заведении. В 1914 г. в Петербурге были учреждены частные вечерние Географические курсы, которые из-за начавшейся войны начали работать только в 1916 г.; в следующем году при курсах было открыто отделение этнографии, на котором Л.Я. Штернберг прочитал свой первый систематический курс этнографии. В 1918 г. “Курсы” были преобразованы в Географический институт (с двумя отделениями, географическим и этнографическим), подчинявшийся Наркомпросу. В 1921 г. в институте начал работать В.Г. Богораз, сумевший благодаря своим старым связям поставить институт на ноги в финансовом отношении, найти средства для полевой практики, а затем и для полевых исследований студентов. В 1924 г. в Москве был создан Комитет Севера при ЦИК СССР, заметную роль в создании и работе которого сыграл все тот же В.Г. Богораз. В 1925 г. Географический институт был присоединен к Ленинградскому университету в качестве географического факультета. В июле 1925 г. в Ленинградском университете по инициативе Комитета Севера было организовано северное отделение, на котором начали обучаться молодые представители северных народов, а в 1926 г. при университете был создан Северный рабфак. Почти одновременно и в Ленинградском институте живых восточных языков (ЛИЖВЯ) было создано северное отделение (Североазиатский семинарий), снова под руководством В.Г. Богораза; в феврале 1927 г. это отделение было объединено с рабфаком и преобразовано в северный факультет ЛИЖВЯ.

В декабре 1929 г. северное отделение северного факультета ЛИЖВЯ⁹ стало самостоятельным высшим учебным заведением – Институтом народов Севера. В том же году был создан Институт по изучению народов СССР и сопредельных стран (ИПИН СССР) – и снова при непосредственном участии В.Г. Богораза. В 1930 г. возник Ленинградский государственный историко-лингвистический институт, выделившийся из ЛГУ, который в 1933 г. был переименован в Ленинградский историко-философско-лингвистический институт (ЛИФЛИ); через три года ЛИФЛИ был вновь возвращен в ЛГУ: философский и исторический факультеты ЛИФЛИ объединены с воссозданным историческим факультетом ЛГУ, а два других факультета образовали филологический факультет ЛГУ. И почти одновременно в 1930 г. возникла Научно-исследовательская ассоциация Института народов Севера (НИА ИНС)¹⁰.

У этнографического отделения геофака ЛГУ в 1926 г. были две особенности. Во-первых, программа обучения предусматривала преподавание как естественных, так и социальных наук (см.: *Гаген-Торн* 1971: 139) и готовила не просто исследователей, но и активных практических работников: учителей, администраторов. Студенты, уезжавшие на Север, работали в советских органах власти, в областных и районных исполнительных комитетах, в отделах народного образования разного рода уполномоченными и так далее; параллельно они занимались сбором и обработкой этнографических и лингвистических материалов по коренному населению тех районов, где оказывались. Но еще более важным было то, что В.Г. Богораз настоял, чтобы после 2-го (позднее – после 3-го) курса студенты отправлялись на работу на Север минимум на год, после чего возвращались и доучивались. Это было непросто, поскольку шло вразрез с нормативами Наркомпроса, однако в конце концов проблема была решена, и многие выпускники Этноотделения, проучившись два или три года, уезжали на длительный срок работать в отдаленных северных районах.

Новый учебный план предусматривает... производственную практику полевую среди соответственных народностей на будущем месте работы... для циклов, относящихся к дальним областям и народностям – длительную практику на один год и пять месяцев также после третьего курса. После этого студенты, завязав прочные связи на местах, возвращаются обратно в вуз для окончания образования. Этой полевой производственной практике этно-отделение всегда уделяло особое внимание¹¹.

Именно такая “траектория” ждала Шнакенбурга в следующие несколько лет. Он отучился три курса (в ходе обучения он, как и многие студенты во все времена, подрабатывал – сохранилась справка, из которой явствует, что в апреле 1928 г. он был секретарем Ленинградского отделения Российского общества туристов). Перед окончанием 3-го курса, в конце мая 1929 г., ему выдали удостоверение, в котором говорилось:

29 мая 1929 № 19

Удостоверение

Выдано студенту Этнографического отделения Л.Г.У. Шнакенбург Николаю Борисовичу в том, что он командирован Э.Э.К.¹² на производственную практику в Хабаровский Комитет Севера для советской работы. Э.Э.К.

просит все правительственные и частные учреждения оказывать студенту Шнакенбург Н.Б. возможное содействие в выполнении возложенной на него задачи.

Командировка действительно по 1/VI-31 г.

Председатель Э.Э.К.

Профессор В.Г. Богораз-Тан /подпись/

Секретарь Покровская /подпись/

Тем же числом датирован и другой документ: путевка, выписанная на печатном бланке Ленинградского университета (ниже вписанное от руки обозначено полужирным курсивом):

Путевка № 373

29/V 1929 г.

Студент III курса *Шнакенбург Николай Борисович Географ* факультета *этногр* отд. согласно наряда НКТ № ... от ... 192... командирован адрес *Хабаровск Дальневосточный Комитет Севера Ленинград Владивосток учитель Уэлен* для прохождения платной производственной практики по *этнографии* специальность № ... на срок 22 месяц — 6 месяцев. по ... 1 января 1929 г.¹³

Подписи ректора и секретаря

На обороте

Сведения о практиканте

1. Избранная специальность *этнография*
 2. Практический стаж до поступления в вуз 2 года
 3. Практический стаж во время пребывания в вузе /прочерк/
 4. Перечень спец. предметов, по которым имеются зачеты *чукотский язык II и III кк, Введение в этнографию палеоазиатов, История культуры палеоазиатских народов, Советское строительство на Севере*
 5. Виды работ, в изучении которых студент особенно нуждается /прочерк/
- Место для отметок вуз/техникум

Перечень специальных предметов заверяю. /подпись/ 29/V-29 г.

Эта двойственность, заложенная в фундамент этнографического образования “школы Богораз”, определила первые годы жизни подавляющего большинства выпускников Этноотделения: все они, как Шнакенбург, командировались Комитетом Севера “на производственную практику для советской работы” и одновременно университетом — “для прохождения производственной практики по этнографии”. Кто они — собиратели этнографических и лингвистических сведений о северных “туземцах”? или “миссионеры новой жизни”, ответственные за строительство нового общества у тех же туземцев? Каждый из них решал эту дилемму по-своему: для кого-то работа учителем была лишь средством попасть “к туземцам”, заняться изучением их культуры; для кого-то, наоборот, этнография была оправданием их практической работы. Кажется, что Шнакенбург относился скорее ко второй группе.

Дорога на Север в те времена пролегла по Транссибирской магистрали через Хабаровск, где находились все краевые организации, и Владивосток, откуда летом ходили пароходы в Петропавловск и Анадырь. 12 августа 1929 г. Шнакенбург подписал с Далькрайоно трудовой договор, в котором значилось:

Гр. Шнакенбург приглашается на должность организатора и заведывающего Рыркайпийской (на мысе Северном) туземной интернатной школы с возложением на него обязанностей изучения языка чукоч и произвести обследование района от Рыркайпии до Чаунской губы в экономическом, этнографическом и географическом отношении.

Срок действия договора устанавливался на три года, до августа 1932 г.; оговаривалось, что возможно досрочное прекращение работы, но не ранее чем через два года. Детально оговаривалась зарплата, оплата проезда, суточные и квартирные, а также последствия нарушения договора.

Однако север есть север, погода непредсказуема, и не всегда можно рассчитывать, что все пойдет как задумано. 15 сентября 1929 г. Шнакенбург пишет В.Г. Богоразу из Владивостока, что назначен организатором школ мыса Северный (Рыркайпий), и уезжает 20 сентября в Анадырь на пароходе “Юкагир”, а уже 3 октября выходит приказ по Камчатскому ОКРОНО, в котором говорилось:

Назначенного ДКОНО¹⁴ учителем Рыркайпийской школы I ступени Шнакенбург, ввиду невозможности по условиям сообщения попасть на место службы, прикомандировать на 1929/30 учебный год к Тиличинской (Корфовской) школе I ступени.

6 октября 1929 г. Шнакенбург пишет уже из Петропавловска-Камчатского, что прошел все преграды бюрократии и канцелярщины, и в итоге его назначили учителем в школу на Камчатке, в Тиличихах, куда он прибыл 4 ноября. В Тиличихах Шнакенбург проработал около полугода, и 22 июля 1930 г. пишет с борта парохода “Колыма”, что “твердо и неуклонно” подвигается к мысу Северному. 25 июля 1930 г. он добрался наконец до места службы.

В письмах родным Шнакенбург довольно подробно описывает свою жизнь на мысе Северном, где он в итоге провел почти два года. Более всего его поражает холод, снег и льды – и огромные безлюдные пространства. Из письма от 2 августа 1930 г.:

...рано утром шел снег, пролежавший на горах до полудня и всю неделю у берега. Перед окнами стоят льды <...> Прямо на север льды и остров Врангель в 180 км. На восток чукотские поселки и до Уэлена 1000 км. На запад чукотские юрты и Чаун, где еще двое русских – фактория. На юг горы и оленеводы. Здесь нас двое русских... еще человек 60 чукчей, вот все селение. Полярное лето подходит к концу, уже осыпаются цветы, в сентябре начнутся холода. Фактория стоит на берегу. С утра до вечера перед окнами стоят льды.

Кроме подробных рассказов самого Шнакенбурга о своей жизни на мысе Северный, полных описаний холодов, пурги, ледяных торосов, нашествия белых медведей и прочих романтических арктических сюжетов (не будем забывать, что автору этих писем 23 года!), мы располагаем двумя независимыми свидетельствами того, как проходила эта жизнь: одно – насмешливо-негативное, второе – уважительно-позитивное.

Первое – из отчета А.А. Кампана, сотрудника Управления погранохраны Дальневосточного края, командированного для “обследования Чукотки для нужд охраны

границ” и оставившего снисходительно-насмешливые отзывы о двух встреченных им молодых этнографах, Форштейне и Шнакенбурге (подробно см.: *Богословская* 2008)¹⁵:

Встретивший нас Шнакенбург произвел сразу впечатление человека растерявшегося при нашем приезде, в нем чувствовалось нервность. <...> По всему настроению видно, что он в нашем лице ждал каких-то “ревизоров”, специально приехавших “проверить” всю деятельность его Шнакенбурга, особенно по части торговой. <...> За короткий период пребывания на м. Северном подробно ознакомиться со всей его работой не пришлось. Школа работала, по-видимому, нерегулярно, так как фактория, естественно, отнимала много времени (*Калтан* 2008: 307).

Второе – совсем другого свойства. В архиве семьи сохранилась записка известного геолога С.В. Обручева следующего содержания:

13 июня 1931 г. Осенью прошлого года, проезжая на пароходе “Колыма” из Нижне-Колымска во Владивосток, я встретил в фактории на мысе Северном Николая Борисовича Шнакенбурга (который незадолго перед этим переехал туда). Он просил меня сфотографировать его и переслать Вам как его портрет, так и снимок фактории, сделанный мною. К сожалению, не мог это сделать раньше, т.к. не были разобраны фотографии. Николай Борисович при встрече со мной был в очень приподнятом настроении, необыкновенно бодрый и веселый, и казался очень здоровым. Насколько я слышал, он позже переехал на мыс Дежнев, в селение Уэлен.

С уважением – С. Обручев. Ленинград, Мойка 82, кв. 28¹⁶.

Позже С.В. Обручев вставил упоминание о Шнакенбурге в свою известную книгу:

С большой душевной болью я вспоминаю о молодом талантливом филологе [так] Н. Шнакенбурге, который погиб геройской смертью в начале Великой Отечественной войны, защищая Ленинград. Впервые я встретился с ним в 1930 г. на мысе Шмидта. В 1934 г. он дал нам ряд уроков чукотского языка. Им была просмотрена в первом варианте моя рукопись и сделаны ценные замечания о языке и быте чукчей, которые он превосходно знал, так как прожил несколько лет на Чукотке (*Обручев* 1957: 5–6).

Срок работы Шнакенбурга на Чукотке подходил к концу, когда он принял решение остаться еще на два года. Он пишет родным (1 августа 1931 г.):

Дорогие папа и мама! Вчера я получил от бабушки сразу две телеграммы и теперь ожидаю известий от вас. Вы на меня не сетуйте, что я остаюсь на севере ещё пару лет. Всякое дело требует серьезного внимания и если я решил работать на севере, то всерьёз и надолго. Моя работа нужна, и я пользуюсь со стороны Комитета Севера и Богораза поддержкой. <...> Раз дело того требует, с собою считаться нечего. Такую постановку единственно считаю верной для себя. Два года я прожил, проживу и ещё два, в этом уверен и твёрд.

Рис. 1. Н.Б. Шнакенбург в 1931 г. Фото из семейного архива потомков Шнакенбурга. (Личная коллекция автора)

И пишет В.Г. Богоразу – три недели спустя; из этого письма, кажется, становится ясна причина конфликта Шнакенбурга с местным начальством и, возможно, причина того неблагоприятного впечатления, которое он произвел на А.А. Кампана:

Дорогой Владимир Германович! Очень благодарен Вам за поддержку. Сейчас все обстоит вполне благополучно. Я краевед чукотской культбазы, выеду скоро в район. Останусь еще на пару лет. <...> Что ко мне отношение было хамское, то сушая правда. Сейчас многие стараются кое-как это замазать, так как дело повернулось в мою сторону неожиданно-негаданно. <...> Не верьте никому, кто обо мне скажет плохое. Я замерзал и не замерз. Жил один – русский и жил весело и бодро. Вел работу в школе в ликбезе. Факторию бросили. Я открыл торговлю на свой страх и риск. Приехали только 1го марта. Принялись меня ругать за грязь. Я топил нефтью, топлива не было. Говорили мне “вы американскую агитацию разводите”, это за похваленную американскую вермишель. “Работы не ведете”. <...> Все это было – да было и пусть что хочет говорит Тевлянто. <...> Извели меня до того, что я еле чувствовал себя <...> Твердо уверен в себе и в работе!¹⁷

Решение остаться на Чукотке еще на два года выглядит не столь неожиданным, если принять во внимание, что 25 октября 1930 г. был арестован отец Шнакенбурга (осужден 28 февраля 1931 г. по статье 58–10 на 3 года исправи-

тельно-трудовых лагерей); возможно, узнав об этом, Шнакенбург почел за лучшее пока не возвращаться “на материк”. Другой причиной может быть то, что осенью 1930 г., как он писал в телеграмме В.Г. Богоразу, Шнакенбург “женится на чукчанке”, и 10 июня 1931 г. у них родился сын Роберт. В свидетельстве о рождении, выписанной 11 мая 1932 г., родителями значатся: отец – Шнакенбург Николай Борисович, мать – Панарультына, место рождения – Мыс Северный Чукотского округа/уезда Чаунского района/волости.

Следующие два года Шнакенбург проработал на Чукотской культбазе в с. Лаврентия в должности краеведа, выезжая для обследования промыслов в различных районах Чукотки; побывал и в западной части полуострова (он пишет родным: “...зимой я пересек эту страну оленных чукчей. Мы попали в стойбище, которое ещё не видело белых. <...> Мы провели выборы Совета, установилась Советская Власть”), и в юго-восточной его части, в окрестностях с. Провидение.

Осенью 1933 г. Шнакенбург отправился домой. Это был уже другой человек, повзрослевший, приобретший опыт: “...мне было дано увидеть многое, и я очень благодарен за это жизни. Мне сейчас 26 лет, здоров, просолен крепко ветром и солнцем” (письмо родным, 11 августа 1933 г.). По дороге он на некоторое время задержался в Хабаровске, сделал доклад в местном отделении Комитета Севера; видимо, тогда же написал и напечатал в местных газетах четыре популярные статьи, в том числе “Китовый промысел на Чукотке”.

Этноотделение к этому времени преобразовалось в ЛИФЛИ (см. выше), в котором Шнакенбург и восстановился, для чего потребовалось ходатайство от Комитета Севера при ЦИК в Ленинградский университет. В этом документе (11 января 1934 г.) говорилось:

Тов. Шнакенбургом Н.Б. проделана большая научная работа по краеведному изучению Чукотки. В течение 3х-летнего пребывания в Чукотском нац. районе т. Шнакенбург, вполне владеющий Чукотским языком, лично обследовал большую часть территории Чукотского полуострова и собрал подробные и ценные сведения по географии, естественным производительным силам и экономике Края. Весь материал систематизирован, сделаны практические выводы, которые были использованы при составлении пятилетнего плана района и округа¹⁸.

Как мы помним, Шнакенбург уехал на Север после 3-го курса Этноотделения, и должен был бы закончить университет в 1935 г., однако, по-видимому, восстановиться сразу ему не удалось: ходатайство о восстановлении студента после командировки на Север датировано 11 января 1934 г. Он получил диплом ЛИФЛИ в июне 1936 г.: ему была присвоена квалификация “научного работника 2-го разряда по истории и преподавателя ВУЗ’а и ВТУЗ’а, а также преподавателя техникумов, рабфаков и старших классов средней школы”.

Видимо, в начале 1936 г. он написал и прислал В.Г. Богоразу проспект будущей книги “Советская Чукотка”¹⁹, однако дальше плана эта работа, насколько можно судить, не двинулась.

С работой после окончания университета было трудно: в октябре он устроился младшим научным сотрудником на временную работу в Музей Арктики, консультировал музей по поводу «макетов Чукотская культбаза и Кочевой Совет, а также по подбору материалов по отделам “Экономика Арктики” и “Наци-

онально-культурного строительства”». В характеристике сказано, что к работе Шнакенбург “относился вполне добросовестно и проявлял инициативу”²⁰; однако в марте 1937 г. эта временная работа закончилась.

Вернемся немного назад. Выше уже упоминалось, что все ученики В.Г. Бого-раза, отправляясь на Север, оказывались перед проблемой того, как совместить научную работу с практической (учительской, административной) деятельностью. Жалобами на невозможность совмещения полны письма всех учеников В.Г. Бого-раза; каждый из них чему-то вынужден был отдать предпочтение. Шнакенбург, работая на Чукотке, из двух вариантов — научная работа или практическая — скорее склонялся ко второму. В его письмах почти нет упоминания научных материалов, этнографических или лингвистических наблюдений, зато много рассказов об инспекционных поездках и других формах административной работы. Насколько можно судить, научные материалы, привезенные им “из поля”, ограничиваются словарными записями по чукотскому языку (четыре тетради, примерно по 40 листов каждая)²¹. Однако в Ленинграде он окунулся в совершенно другую атмосферу: в ЛИФЛИ, ИНСе, а главное, в Научно-исследовательской Ассоциации ИНСа шла активная научная работа, и эта деятельность увлекла его.

В 1935 г. он опубликовал свою первую научную статью²² (“Пути сообщения Чукотского полуострова”), и примерно в то же время писал брату, что собирается поступать в аспирантуру. Однако все оказалось не так просто. Вот его характеристика, датированная 13 сентября 1936 г.:

Шнакенбург Н.Б., окончивший Исторический факультет Ленинградского Института Истории, Философии, Литературы и Лингвистики в 1936 г., по соц[иальному] происхождению служащий, беспартийный, 1907 года рожд[ения], член профсоюза с 1926 г., в течение своей учебы в ЛИФЛИ был дисциплинированным членом профсоюза. В общественной работе не участвовал и с общественной стороны себя не проявил.

И 26 сентября 1936 г. — выписка из протокола Приемной комиссии по приему в аспирантуру Института народов Севера:

СЛУШАЛИ: о приеме в аспирантуру Шнакенбург Н.П. [так]... Сдал приемные испытания и получил следующие оценки Диалектический материализм — удовлетв[орительно]; История народов Севера — удовлетв[орительно].
ПОСТАНОВИЛИ: Считая оценку, полученную Шнакенбург[ом]... недостаточной, в приеме отказать.

Очень вероятно, что эта “неудача” его и спасла: он не стал аспирантом ИНСа в 1936 г. и, следовательно, не попал под каток печально известного “дела ИНСа”, начавшегося с нескольких доносов, справок и докладных записок, датированных как раз августом 1936 г. Потом начались аресты. Весной 1937 г. был арестован Н.И. Спиридонов, за ним (21 мая 1937 г.) другие сотрудники ИНСа: Я.П. Кошкин, Н.Ф. Прыткова, И.С. Сукоркин, В.И. Цинциус, А.С. Форштейн, Ю.А. Крейнович, К.Б. Шавров, В.Ц. Пересвет-Салтан и Е.В. Блок. Согласно приговору по этому “делу”, Спиридонов, Кошкин, Форштейн, Пересвет-Салтан и Блок были приговорены к расстрелу; Сукоркин, Шавров, Крейнович и остальные — к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Затем Форштейну и Блоку

расстрел заменили десятью годами, а Спиридонова, Кошкина и Пересвет-Салтана расстреляли²³.

Весь этот ужас Шнакенбурга миновал, хотя он, несомненно, знал об арестах и приговорах. Не сумев поступить в аспирантуру, он весной 1937 г. устроился на работу в Арктический институт²⁴, был зачислен переводчиком в Корякскую геологическую экспедицию с окладом 300 рублей в месяц²⁵, выбыл в экспедицию 20 мая и вернулся 27 ноября 1937 г. Уволен из Арктического института он был “по окончании работ экспедиции” 23 декабря 1937 г.²⁶

Из этой экспедиции Шнакенбург привез некоторые лингвистические материалы – в архиве МАЭ хранятся словарные записи по алюторскому диалекту корякского языка (23 страницы), помеченные 1937 г.²⁷

Полагаю, что в решении Шнакенбурга завербоваться в эту экспедицию, кроме необходимости где-то работать, не последнюю роль играл страх ареста. Из Владивостока писал матери (21 июня): “Я твёрдо уверен, что всё будет хорошо, и осенью я снова увижу всех вас” – и дальше: “Здесь в экспедиции я держу себя очень строго. Дисциплина у нас поставлена хорошо. Я дал себе слово совсем не брать в рот лишнего. С этим буду и на Камчатке”. На весь корпус писем Шнакенбурга это *единственное* упоминание алкоголя – нелегко дался ему 1937 год...

По возвращении из экспедиции Шнакенбург женился²⁸; свидетельство о браке датировано 23 декабря 1937 г. (интересно, что та же дата стоит на приказе о его увольнении из Арктического института). К тому времени молодожены уже были какое-то время знакомы: в архиве семьи сохранилось одно очень нежное письмо Шнакенбурга к невесте (от 15 июля 1937 г.).

К этому моменту он, видимо, понял, что его место – в науке, и что он отстает от своих бывших соучеников. «К сожалению, – писал он в автобиографии (30 января 1938 г.), – по окончании Института мне не удалось поступить на место по истории и этнографии “палеоазиатов”, а занятость по службе не позволила обработать материалы. Я знаю довольно хорошо чукотский север, язык и конечно литературу. В частности сейчас занимаюсь этнографией и историей народов Севера. У меня есть некоторые знания, навык в работе. Я просил бы всесторонне обсудить мою кандидатуру и в случае возможности привлечь меня к научной работе»²⁹.

Он не оставляет попыток поступить в аспирантуру. Есть ходатайство Института от 19 сентября 1938 г. о “допущении к подготовке диссертации на степень кандидата и к сдаче кандидатского минимума”; однако и в этот раз не вышло: приемная комиссия 2 января 1939 г. рассмотрела заявление Шнакенбурга и постановила: “Ввиду того, что т. Шнакенбург недавно работает в Институте и недостаточно еще проявил себя на научной и общественной работе – от приема в аспирантуру Академии Наук без отрыва от основной работы – воздержаться”.

В 1938 г. в сборнике “Советский Север” вышла еще одна публикации Шнакенбурга – статья “Нымыланы-кэрэки”. Положительный отзыв на нее написал С.Н. Стебницкий (9 июля 1938 г.): “Статью... считаю ценной и интересной, в особенности в тех разделах ее, которые касаются экономики, этнографии кэрэков и их языка <...> Материал, сообщаемый тов. Шнакенбургом... позволяет окончательно решить... вопрос об этнической принадлежности кэрэков”³⁰ (АСШ). Договор на ее написание между НИА ИНС и Шнакенбургом был заключен 13 августа 1938 г.; за эту работу НИА ИНС должна была выплатить автору 450 рублей (АСШ). Эта статья до сих пор является важным источником сведений об этом небольшом народе, живущем на самом юге Чукотки, на границе с Камчаткой.

В этот период Шнакенбург интенсивно ищет заработков; так, 17 февраля 1938 г. он заключает с Государственным музеем этнографии договор на написание путеводителя по отделу “Чукчи и коряки” объемом $\frac{3}{4}$ авторского листа, которые обязуется представить не позднее 5 марта того же года; оплата — 400 рублей³¹. 1 апреля 1938 г. он становится наконец научно-техническим сотрудником Института этнографии (МАЭ), 1 июня занимает должность ответственного секретаря Сибирского тома сборника “Народы СССР”, а 5 августа переведен из научно-технических в младшие научные сотрудники. Параллельно с 1 ноября того же года устраивается по совместительству преподавателем Истории СССР в средней художественной школе при Академии художеств³².

Только в следующем году Шнакенбург сумел добиться своего: 3 августа он зачислен в аспирантуру МАЭ³³. Руководителем его стал Г.Н. Прокофьев. Рекомендацию для поступления ему дал М.А. Сергеев:

[Без названия]

Николая Борисовича Шнакенбурга я знаю около 5 лет на почве общих научных интересов к Дальневосточному северу. По просьбе Н.Б. Шнакенбурга я просматривал многие его работы по чукотскому национальному округу и по чукчам. Много приходилось мне и беседовать с ним на соответственные темы и самому советоваться с ним по тем или иным вопросам фактического порядка.

С начала текущего (1938) года и по сие время мне приходилось постоянно общаться с т. Шнакенбургом и на “служебной” почве — он состоит секретарем редакции издания Института этнографии Академии наук СССР — “Народы СССР”, одним из редакторов которого я являюсь.

Все изложенное дает мне также основание характеризовать Н.Б. Шнакенбурга, как образованного, способного и несомненно очень сведущего в избранной им специальности (группа северных дальневосточных палеоазиатов — чукчи, коряки, эскимосы, алеуты) молодого научного работника, отличающегося исключительной добросовестностью, исполнительностью и инициативой в своей научной работе. В научном отношении он несомненно подготовлен к поступлению в академическую аспирантуру.

[без даты]

Мих. Сергеев³⁴

Следующие полтора года Шнакенбург активно работает, в том числе — над книгой “Эскимосы” (см. об этом подробнее ниже). Он ездит в командировки в московские архивы, собирает материалы для диссертации. Отчет за первый год аспирантуры заслуживает того, чтобы привести его полностью:

Г.Н. Прокофьеву от руководимого им аспиранта Н.Б. Шнакенбурга

Отчет о работе за 1939—1940 год

Согласно утвержденного Вами индивидуального плана на данный учебный год приходились следующие предметы:

1. Диалектический и Исторический материализм (лекции)
2. Источниковедение по истории и этнографии народов Сибири (лекции, самостоятельная проработка)
3. Английский язык (уроки, самостоятельная проработка материала)
4. Этнография палеоазиатов: коряки, юкагиры (самостоятельная проработка)

Из вышеуказанных предметов мною были подготовлены и сданы:

1. Диалектический и исторический материализм, 27 июня, с оценкой “хорошо”
2. Источниковедение..., 14 июня, с оценкой “отлично”

Ввиду оказавшейся сложности для меня материала по английскому языку — кафедра иностранных языков нашла необходимым дать мне дополнительные часы (в сентябре, октябре месяцах) для завершения кандидатского минимума, который должен быть сдан к 1 ноября с.г.

Что касается самостоятельной проработки основной литературы по этнографии палеоазиатов, то в отношении коряков таковая проработана, в отношении же юкагир — прочитан 1-й том монографии Иохельсона “Юкагиры” (на англ. языке)

К работе по диссертации я еще не приступал: это и не было предусмотрено планом для истекшего года.

Не могу не отметить, что отсутствие учебной комнаты сильно повлияло на выполнение учебного плана. Комната была предоставлена лишь 6—7 июня, т.е. перед самыми экзаменами. Отсутствие рабочего помещения т.о. имело своим результатом не равномерное прохождение плана и тяжелое перенапряжение сил в последние месяцы. Фактический январь и февраль из учебы выпали, так как места для занятий я не имел совершенно. Обращаюсь к Вам с просьбой настоятельно поставить перед Дирекцией вопрос о специальной комнате для аспирантов, предоставив ее с 1 сентября.

30 июня 1940 г. Н. Шнакенбург /подпись/³⁵

В отзыве Г.Н. Прокофьева сказано: “Считаю Н.Б. Шнакенбурга усидчивым, серьезно относящимся к своей учебе аспирантом”.

Эта работа была прервана войной; уже в июне 1941 г. Шнакенбург записался добровольцем в ряды народного ополчения, хотя и имел как аспирант академического института так называемую “бронь”, и в первых числах июля ушел на Ленинградский фронт. «4 июля 1941 г. в институте был обнародован приказ за № 109: “...§ 3. В связи с уходом аспиранта Н.Б. Шнакенбурга добровольцем в Красную Армию с 5 июля выдать ему 2-х недельный аванс в счет зарплаты за июль 1941 г. и компенсацию за неиспользованный отпуск”» (Решетов 1995: 14).

По воспоминаниям его дочери, Шнакенбург ушел из дома ночью, ни с кем не попрощавшись — так ему, видимо, было легче. Сохранилась его прощальная записка жене:

Милая и дорогая Нюра!³⁶

Нас вызвали на сборный пункт сегодня. Еле успел собраться. Деньги на верхней полке наверху. Милая возьми себя в руки, поезжай в Лигово. Я буду мысленно с тобой. Нас отпустят еще домой. Целую тебя, Милу, береги ее, себя. Любящий вас обоих муж и отец Николай.

После этого от него было еще одно письмо и четыре открытки, последняя — от 7 сентября 1941 г. Официально Шнакенбург числился пропавшим без вести, хотя существует высокая вероятность, что он погиб, ср.:

После получения известия о гибели Николая Борисовича среди сотрудников Института распространился слух о том, что в ходе боев под Ленингра-

дом он якобы был захвачен немцами в плен. Фашисты, приняв его за немца, предложили сотрудничество, но он решительно отказался, после чего был расстрелян. В мемуарах Л.И. Лаврова о боях на Ораниенбаумском плацдарме есть сообщение о гибели Н.Б. Шнакенбурга близ д. Настолово без указания каких-либо подробностей (Решетов 1995: 5).

Судьба книги

Рукопись “Эскимосы СССР” – первое известное нам монографическое описание азиатских эскимосов. С момента написания этой книги прошло почти 90 лет; за это время об эскимосах написано и опубликовано много³⁷, и книга сохраняет для нас сегодня в основном исторический интерес (кроме последней главы, посвященной “современности” – то есть 1920–1930-м годам). С этой книгой связана одна загадка.

Эскимосы никогда не были центральным объектом интереса для Шнакенбурга. Основное время на Чукотке он провел среди чукчей, сначала на мысе Северном (ныне мыс Шмидта), затем в Уэлене и Лаврентия. Известно про одну его поездку осенью 1931 г. на юго-восточную Чукотку, в бухту Эмма и пос. Провидения “с обследованием промысла юго-восточной части района”, в ходе которой он мог посетить эскимосские поселки Ун’азик’ (Чаплино) и Сиг’ынык (Сиреники). Он мог сталкиваться с науканскими эскимосами в Лаврентия. Однако взяться за книгу об эскимосах?

Все дальнейшее – лишь предположения. После арестов 1937 г., после фактического разгрома ИНСа (с которым МАЭ был тесно связан, прежде всего через сотрудников, часто работавших и там, и там) многие области исследований оказались оголены: специалисты были арестованы, но остались их материалы. Эти материалы часто использовали другие сотрудники, и мотивы при этом могли быть самыми разными: от циничного “им все равно, а нам пригодится” до рационального “автор пропал, нельзя дать пропасть результатам его труда и ценным научным данным”.

Мы знаем, что в 1927–1929 и 1929–1933 гг. среди азиатских эскимосов работал учителем Александр Семенович Форштейн (1904–1968) (см. о нем: Решетов 2002; Крупник, Михайлова 2006; Корсун 2013; автобиографию Форштейна см.: ЦГА СПб. Ф. 9471. Оп. 2. Д. 77.). В 1928 г. Форштейн работал в селении Уназик на мысе Чаплина, откуда ездил в соседние эскимосские поселки (Сиклюк, Имтук, Сиреники). После возвращения в Ленинград защитил дипломную работу на тему “Азиатские эскимосы как морские охотники”. Работал в МАЭ, готовил серию статей для Дальневосточной энциклопедии (“Азиатские эскимосы”, совместно с В.Г. Богоразом), “Язык азиатских эскимосов”, “Моржовый промысел”, “Кивак” (см.: Вахтин 2004). Работал по темам “Становление рода у азиатских эскимосов”, “Шаманский язык и материалы по языку азиатских эскимосов”, “Социальная структура общества азиатских эскимосов”. Занимался созданием письменности для азиатских эскимосов, опубликовал эскимосский букварь и перевел на эскимосский несколько книг для чтения. В мае 1937 г. Форштейн вместе с другими сотрудниками ИНСа был арестован по обвинению в принадлежности к “троцкистско-зиновьевской, шпионско-террористической организации” и осужден к расстрелу, который был затем заменен на 10-летний срок. Он отбыл 10 лет в лагерях, освобожден в 1947 г. и более к научной работе не возвращался. Его эскимосские материалы никогда не были опубликованы.

Очень вероятно, что Шнакенбург пользовался при написании своей книги какими-то материалами, черновиками и (или) фрагментами рукописи Форштейна. Думать так заставляют следующие факты.

Во-первых, в своей книге Шнакенбург дважды ссылается на “учителя чаплинской школы”, не называя имени: “Учитель Чаплинской школы, бывший свидетелем китовой охоты в апреле 1928 года, описывает данный прием следующим образом” (с. 63 рукописи); и “Как происходило распределение добычи в производственном объединении, показывают следующие факты, о которых сообщает учитель школы сел. Уназик на мысе Чаплина” (с. 71 рукописи).

В те страшные годы это был единственный способ упомянуть, сослаться, отдать должное арестованному человеку; заметим, что для этого нужна была недюжинная смелость: такая скрытая ссылка могла дорого стоить автору.

В рукописи есть и другие свидетельства такого рода. В главе 3 Шнакенбург пишет:

Пережитки из области коллективной собственности на орудия и средства производства, а в особенности из области распределения добычи, дошедшие до нашего времени (1929 г.) в совокупности с пережитками коллективного производства, дают основание говорить...

Здесь интересна дата в скобках: почему “наше время” – это 1929 год? Шнакенбург приехал на Чукотку в 1930 г., а пишет это в 1940 г.; эта дата может быть еще одним намеком, сознательно поданным сигналом того, что он пользуется материалами Форштейна.

В то время – после массовых арестов – использование материалов арестованных было распространенной практикой³⁸. Эта практика сохранилась и после войны – после массовой гибели ученых на фронте и в блокаду. Так, в томе “Народы Сибири” (Левин, Потанов 1956: 8) статью “Ненцы” пишет Е.Д. Прокофьева, а в основе – материалы Г.Н. Прокофьева и Г.Д. Вербова; статью “Энцы” пишет Б.О. Долгих с использованием материалов Г.Д. Вербова; статью “Эвенки” пишет Г.М. Василевич с использованием материалов Н.П. Никульшина; статьи “Чукчи” и “Коряки” пишет В.В. Антропова с использованием материалов С.Н. Стебницкого и Н.Б. Шнакенбурга, статью “Эскимосы” пишет Г.А. Меновщиков с использованием материалов Н.Б. Шнакенбурга, и так далее. Никого из тех, чьи материалы использовались, к этому времени уже не было в живых. В 1956 г. можно и нужно было упомянуть фамилии погибших и умерших (со)авторов; в 1938 г. сослаться на материалы арестованного “врага народа” Шнакенбург мог только так, как он это сделал.

С точки зрения этики спокойных и благополучных времен это, возможно, и не идеальное поведение, но 1930-е годы в России точно не были ни спокойными, ни благополучными. Выбор: дать пропасть материалам коллег или все-таки напечатать их под другим именем – это тяжелый выбор; но тот выбор, который сделал Шнакенбург (убежден, что это обсуждалось с коллегами), все-таки кажется мне меньшим из двух зол. По крайней мере, это лучше того, что написала в 1941 г. Е.П. Орлова в своем очерке “Азиатские эскимосы”: “Детальным изучением азиатских эскимосов, их материального быта, социальной культуры и религиозных представлений никто не занимался” (Орлова 1941: 201) – при том, что она без сомнения знала и самого Форштейна, и его работу среди эскимосов, и его публикации³⁹.

И тем не менее я убежден, что книгу “Эскимосы” Шнакенбург писал сам — причем не только последнюю главу, базирующуюся на материалах, которые не могли быть известны Форштейну. Во-первых, в архиве МАЭ хранятся записи, сделанные Шнакенбургом (материалы переписи по эскимосам 1939 г. и данные по численности эскимосов 1939–1941 гг.)⁴⁰. Это — следы сбора материалов, следы работы над рукописью. Во-вторых, на протяжении всей книги автор постоянно сбивается с рассказа об эскимосах на рассказ о приморских жителях в целом, то есть о приморских чукчах; он постоянно сравнивает эскимосов с чукчами, которых хорошо знает. Это — косвенное доказательство того, что книга (в которой, несомненно, использованы материалы “учителя чаплинской школы”, а может быть, и части его текста) все-таки написана Шнакенбургом.

Рукопись “Эскимосы” прошла несколько этапов рецензирования: в июне 1939 г. проф. А.И. Андреев написал отзыв на рукопись “объемом 84 страницы”, в целом положительный, но с некоторыми рекомендациями по доработке. Судя по окончательному тексту, эти рекомендации были учтены. И.С. Вдовин пишет подробную рецензию на новый вариант книги, объемом уже 128 страниц. Окончательный вариант объемом 172 страницы (это и есть тот самый полный и самый последний вариант рукописи, который хранится в АСШ) был сдан в июле 1940 г. в издательство Главсевморпути; был заключен договор на издание, однако из-за начавшейся войны издательство “временно свернуло свою работу” и исполнение договора было “приостановлено” (письмо Издательства Шнакенбургу от 25 июля 1941 г.).

Интересно, что в МАЭ договор на издание книги явно не одобрили; сохранилась любопытная выписка из приказа от 11 марта 1941 г. за подписью директора института И.Н. Винникова:

Аспиранту Института Н.Б. Шнакенбург [так] объявляю выговор за действия, направленные против интересов Института и выразившиеся в заключении договора с издательством Главсевморпути на подготовку к изданию работу “Эскимосы СССР”, в основу которой положена статья, написанная им для Сибирского тома сборника “Народы СССР” и принятая к печати редакцией Сибирского тома⁴¹.

После войны вдова Шнакенбурга Анна Михайловна Степанова пыталась возобновить отношения с издательством, написала туда письмо, но получила отрицательный ответ. Рукопись осталась в семейном архиве.

* * *

Представляется, что две очерченные судьбы — судьба человека и судьба книги — заслуживают внимания и как свидетельства “страшных лет России”, и как страница истории отечественной этнографии. Николай Шнакенбург, чья семья страдала до войны за его дворянское происхождение, а после войны — за его немецкие корни, и рукопись его книги, сохранившая для нас этот удивительный палимпсест трудов жертв террора и жертв войны, складываются в поучительную историю того, как невероятно трудно было в те годы сохранить право заниматься наукой и человеческое достоинство.

Благодарности

Статья написана в рамках проекта РНФ № 22-18-00238 “Земля храбрых: Преодоление неопределенности при взаимодействии с физической и социальной средой в российской Арктике”.

Примечания

¹ См.: Шнакенбург Николай Борисович // Отечественные этнографы и антропологи. XX век. http://ethnographica.kunstkamera.ru/w/index.php?title=Шнакенбург_Николай_Борисович (см. также: Жуковская, Корсун 2010: 249).

² См., напр.: <http://www.polarpost.ru/forum/viewtopic.php?f=8&p=64597>

³ Очарованный Севером (Часть 1. Первая экспедиция) // Будем жить дальше! 15.02.2023. <https://dzen.ru/a/Y8mIOUIEN0exa3fE>

⁴ Автор признателен Игорю Крупнику за возможность обсудить с ним некоторые аспекты данного сюжета.

⁵ Документы из семейного архива Шнакенбурга даются ниже, как правило, “по умолчанию”, без указания источника. В тех случаях, когда может возникнуть непонимание, они маркируются АСШ (Архив семьи Шнакенбурга). Ссылки на документы из других архивов даются полностью.

⁶ Филиал Государственного архива Ярославской области в г. Ростове. Ф. Р-1217. Оп. 2. Д. 68. Послужной список бывшего помкомандира 102 этапного батальона Шнакенбурга Бориса Робертовича.

⁷ О здании Переславской мужской гимназии (построена в 1914 г.) см.: <https://architectstyle.livejournal.com/561317.html>

⁸ Точнее, нескольких сапожников: в августе 1924 г. он – “сапожный ученик сапожного мастера Успенского”, с января 1925 г. – «сапожный ученик кооперативной артели “Арткож” в г. Туле», с мая по сентябрь 1925 г. – “сапожный ученик сапожного мастера Жаркова”, и наконец с сентября – “подмастерье в коллективе безработных сапожников при Тульской бирже труда” (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 179. Л. 4).

⁹ Переименованного к этому времени в Ленинградский Восточный институт.

¹⁰ Подробно об этом см.: Лукашевич 1919; Гаген-Торн 1971; Кононов, Иорш 1977; Вдовин 1991; Михайлова 2004; Кан 2023; Альмов, Арзютов 2014; Лярская 2016; Вахтин 2016; Вахтин 2023.

¹¹ Богораз В.Г. Объяснительная записка к учебному плану Этнографического отделения Географического факультета ЛГУ. 25 октября 1929 г. СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. № 174. Л. 14–16об.

¹² Этнографическая экспедиционная комиссия.

¹³ Именно так: “на срок 22 мес” – потом тире и “6 месяцев”, и ниже “до 1 января 1929 г.” Видимо, это отражает какую-то бюрократическую борьбу за сроки “практики”.

¹⁴ Дальневосточный краевой отдел народного образования.

¹⁵ В этой публикации ошибочно – Калтан. См. подр.: Шокарев 2024: 104.

¹⁶ Это, видимо, была не последняя встреча Шнакенбурга с Обручевым; в письме матери от 20 июня 1936 г. он писал: “Я сейчас занят срочной работой для С.В. Обручева. Арктический Институт готовит Сборник о полезных ископаемых Арктики. Я редактирую и исправляю географические наименования месторождений по Чукотскому Северу”.

¹⁷ Тевлянто – один из первых чукчей, получивший образование в ИНСе, с 1934 г. – председатель чукотского исполкома. В 1931–1932 гг. одновременно с Шнакенбургом работал на Лаврентьевской культбазе. См. о нем: Диков 1974: 189, а также очерк В.Г. Богораза “Живая сказка (Чукча Тевлянто на рабфаке)” (http://az.lib.ru/t/tanbogoraz_w_g/text_1927_zhivaya_skazka.shtml). Нужно заметить, что сам по себе этот сюжет – отношения между выпускниками ИНСа – представителями коренного населения и выпускниками школы Богораза, не принадлежавшими к коренному населению – далеко не так прост и однозначен и заслуживает особого внимания.

¹⁸ СПб АРАН. Ф. 142. Оп. 5. № 376. Л. 49.

¹⁹ СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 5. № 91: ЛИФЛИ – Советская Чукотка (очерк). Проспект книги. Л. 3–7.

²⁰ СПбФ АРАН, Ф. 142. Оп. 5. Д. 376. Шнакенбург Н.Б. Личное дело. Л. 54.

²¹ СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 5. № 95. Возможно, впрочем, что к этой неоконченной работе имеют отношение материалы, хранящиеся в Архиве МАЭ: Шнакенбург Н.Б. Торговые взаимоотношения с Кольмой и сел[ом] Марковым; Частный капитал на Чукотке; Морской зверобойный промысел; Рыболовство (1938–1940). Разделы монографии. Автограф. (Архив МАЭ. Ф. 36 [1932–1995]. Личный фонд И.С. Вдовина. № 123.)

²² Полный список публикаций Н.Б. Шнакенбурга см.: *Жуковская, Корсун* 2010.

²³ Значительное число документов по этому делу можно найти в электронном архиве Фонда В. Иофе (<https://arch2.iofe.center/case/135>).

²⁴ Архив управленческой документации, ААНИИ. “Личные карточки уволенных сотрудников”. Оп. 2. Д. 46. Л. 42 и об. Моя искренняя признательность М.А. Емеиной за предоставление этих материалов. Об архиве ААНИИ см.: *Замятин* 2018: 300.

²⁵ Об этой экспедиции см.: *Кирюшина* 1937; *Николаев* 1938.

²⁶ Архив управленческой документации, ААНИИ. “Приказы по личному составу сотрудников института”. Оп. 3. Д. 28. Л. 101. Материалы, собранные в этой экспедиции, Шнакенбург впоследствии использовал при работе над статьей “Нымыланы-кэрэки” (1939).

²⁷ Архив МАЭ. Ф. 40. Оп. 1. № 118.

²⁸ Его женой стала Анна Михайловна Степанова (1911–1982).

²⁹ СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 5. № 376. Л. 46об.

³⁰ Это, конечно, преувеличение: с выводом Шнакенбурга, что керэки – это часть приморских коряков (нымылан) и “нет никаких оснований выделять кэрэков как самостоятельную народность” (*Шнакенбург* 1939: 103–104), сегодня согласны далеко не все; см., напр.: *Леонтьев* 1983: 5.

³¹ В архиве Российского этнографического музея хранится составленный Н.Б. Шнакенбургом в 1937–1938 гг. «Путеводитель по выставке “Народы Севера – чукчи и коряки”» (Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 631). Это 20 страниц машинописи с мелкой карандашной правкой. В тексте описаны также и другие группы (марковцы, алеуты и эскимосы). Благодаря Н.А. Косяк за эти сведения.

³² СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 376. Шнакенбург Н.Б. Личное дело. Л. 19об.

³³ СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 179. Шнакенбург Н.Б. Трудовой список; Ф. 142. Оп. 5. Д. 376. Шнакенбург Н.Б. личное дело; Ф. 142. Оп. 5. Д. 422. Шнакенбург Н.Б. Трудовая книжка.

³⁴ АСШ.

³⁵ СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 376. Шнакенбург Н.Б. Личное дело. Л. 11–11об.

³⁶ АСШ. Записка карандашом, крупным почерком. Вокруг обращения приписки: “Ню-рочка милая”, “Прости меня во всем”, “Сегодня же как будет возможность напишу или позвоню завтра утром”.

³⁷ Назову только основные книги: *Меновицков* 1959; *Арутюнов, Сергеев* 1969; *Krupnik, Chlepon* 2013.

³⁸ Подобная практика существовала и в предшествующее десятилетие, ср. известную историю авторства книги “Марксизм и философия языка” (1929), опубликованную под именем В.Н. Волошинова, но написанную, скорее всего, им совместно с его учителем, опальным М.М. Бахтиным (*Аллатов* 2005).

³⁹ Возможно, в этом последнем случае дело в ее личной неприязни к Форшштейну, который практически одновременно с ней занимался созданием письменности и учебной литературы для эскимосов и, когда был опубликован эскимосский букварь Орловой, подверг его суровой критике: по его мнению, букварь был “составлен совершенно неграмотно и не только не помогает развитию национальной письменности, но, наоборот, оказал и продолжает оказывать в настоящее время вредное влияние на язык, упрощая морфологическую структуру до характера жаргона” (*Корсун* 2013: 171, со ссылкой на: *Решетов* 2002: 278).

⁴⁰ Архив МАЭ. Ф. 40. Оп. 1. № 119, 123.

⁴¹ Ф. 142. Оп. 5. Д. 376. Шнакенбург Н.Б. Личное дело. Л. 5.

Научная литература

Аллатов В.М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М.: Языки славянских культур, 2005.

Альмов С.С., Арзютов Д.В. Марксистская этнография за семь дней: совещание

- этнографов Москвы и Ленинграда и дискуссии в советских социальных науках в 1920–1930-е годы // От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) / Под ред. Д.В. Арзютова, С.С. Алымова, Д. Дж. Андерсона. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 21–90.
- Арутюнов С., Сергеев Д.* Древние культуры азиатских эскимосов М.: Наука. 1969.
- Богословская Л.С.* [Предисловие к:] Калтан А.И. Отчет по обследованию Чукотского полуострова, 1930–31 г. // Тропую Богораза. Научные и литературные материалы / Под ред. Л.С. Богословской и др. М.: Институт Наследия – ГЕОС, 2008. С. 284–285.
- Вахтин Н.Б.* “За успех безнадежного дела”: история невыхода Энциклопедии Дальневосточного Края // Геопанорама русской культуры: провинция и ее локальные тексты / Отв. ред. Л.О. Зайонц. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 43–60.
- Вахтин Н.Б.* “Проект Богораза”: борьба за огонь // Антропологический форум. № 29. 2016. С. 125–141.
- Вахтин Н.Б.* У истоков североведческого образования в Петербурге: созидатели в эпоху interregnum // Сибирские исторические исследования. 2023. № 1. С. 64–95.
- Вдовин И.С. В.Г. Богораз-Тан* – ученый, писатель, общественный деятель (к 125-летию со дня рождения) // Советская этнография. 1991. № 2. С. 82–92.
- Гаген-Торн Н.И.* Ленинградская этнографическая школа в двадцатые годы (у истоков советской этнографии) // Советская этнография. 1971. № 2. С. 134–145.
- Диков Н.Н.* (ред.) Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней. Новосибирск: Наука, 1974.
- Жуковская И.В., Корсун С.А.* Указатель материалов по американистике в архиве МАЭ (Кунсткамера) РАН // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. 2010. С. 249. http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-02-025603-3
- Замятин В.Ю.* Научные фонды и библиотека Арктического и антарктического НИИ // Музеи в Арктике и Арктика в Музеях. Полярные чтения на ледоколе “Красин” – 2017 / Отв. ред. П.А. Филин. СПб.: Совкомфлот, 2018. С. 294–309.
- Калтан А.И.* Отчет по обследованию Чукотского полуострова, 1930–31 г. // Тропую Богораза. Научные и литературные материалы / Под ред. Л.С. Богословской и др. М.: Институт Наследия – ГЕОС, 2008. С. 285–342.
- Кан С.* Лев Штернберг. Этнолог, народник, борец за права евреев. СПб.: Библиороссика, 2023.
- Кирюшина М.* Коряцкая экспедиция 1937 года // Проблемы Арктики. 1937. № 4. С. 135–136.
- Кононов А.Н., Иоршиш И.И.* Ленинградский Восточный институт. Страница истории советского востоковедения. М.: Восточная литература, 1977.
- Корсун С.А.* Этнографические исследования А.С. Форштейна на Чукотке // “Всеобщее богатство человеческих познаний”: материалы XXX Крашенниковских чтений. Петропавловск-Камчатский: Министерство культуры Камчатского края, 2013. С. 169–172.
- Крупник И., Михайлова Е.* Пейзажи, лица и истории: эскимосские фотографии Александра Форштейна (1927–1929 гг.) // Антропологический форум. 2006. № 4. С. 188–219.

- Левин М.Г., Потапов Л.П. (ред.) Народы Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956.
- Леонтьев В.В. Этнография и фольклор кереков. М.: Наука. 1983
- Лукашевич И.Д. Краткий очерк возникновения Высших Географических Курсов, их деятельности и преобразования их в Географический Институт // Известия Географического института. Вып. 1. Пг., 1919. С. 38–66.
- Лярская Е.В. “Ткань Пенелопы”: “проект Богораза” во второй половине 1920-х – 1930-х гг. // Антропологический форум. 2016. № 29. С. 142–186.
- Меновщиков Г.А. Эскимосы. Магадан: Магаданское книжное изд-во, 1959.
- Михайлова Е.А. Владимир Германович Богораз: ученый, писатель, общественный деятель // Выдающиеся отечественные этнографы и антропологи XX века / Отв. ред. В.А. Тишков, Д.Д. Тумаркин. М.: Наука, 2004. С. 95–136.
- Николаев И.Г. Предварительные результаты геологических работ Коряцкой экспедиции 1937 года // Проблемы Арктики. 1938. № 3. С. 99–106.
- Обручев С.В. По горам и тундрам Чукотки. М.: Географгиз, 1957.
- Орлова Е.П. Азиатские эскимосы // Известия РГО. 1941. Т. 73. № 2. С. 201–222.
- Решетов А.М. Отдание долга // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 3–20.
- Решетов А.М. Александр Семенович Форштейн (1904–1968). Страницы биографии репрессированного ученого // III Диковские чтения. Материалы научно-практической конференции, посвященной 70-летию Дальстроя. Магадан, 2002. С. 275–279.
- Шокарев С.Ю. Фотоальбом А.А. Кампана — источник по истории береговой Чукотки начала 1930-х годов // Кунсткамера. 2024. № 3 (25). С. 102–120. doi 10.31250/2618-8619-2024-3(25)-102-120
- Krupnik I., Chlenov M. Yupik Transitions: Change and Survival at Bering Strait, 1900–1960. Fairbanks: University of Alaska Press, 2013.

Research Article

Vakhtin, N.B. The Fate of a Person and the Fate of a Book: Nikolai Schnakenburg and the Volume “The Soviet Eskimos” [Sud’ba cheloveka i sud’ba knigi: Nikolai Schnakenburg i kniga “Eskimossy SSSR”]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2024, no. 5, pp. 177–199. <https://doi.org/10.31857/S0869541524050109> EDN: ARUELZ ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Nikolai Vakhtin | <http://orcid.org/0000-0002-4011-2141> | vakhtin@eu.spb.ru | European University at St. Petersburg (6/1A Gagarinskaya St., St. Petersburg, 191187, Russia)

Keywords

history of ethnography, Nikolai Schnakenburg, Vladimir Bogoras, Chukotka, Yupik Eskimos, Stalin purges

Abstract

The article describes the biography of the young ethnographer Nikolai Borisovich Schnakenburg (1907–1941), a student of Vladimir Bogoras, who worked in Chukotka in 1930–1933 and was killed at the war frontlines near Leningrad in 1941. Until now, his life and work remained understudied. The article further examines the question of the authorship of an unpublished manuscript “The Soviet Eskimos”, the first comprehensive report on the Siberian Yupik people. The article is based on the documents discovered in the family archives of Schnakenburg’s descendants.

Funding Information

Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [grant no. 22-18-00238]

References

- Alpatov, V.M. 2005. *Voloshinov, Bakhtin i lingvistika* [Voloshinov, Bakhtin and Linguistics]. Moscow: Yazyki slavianskikh kul'tur.
- Alymov, S.S., and D.V. Arziutov. 2014. Marksistskaia etnografiia za sem' dnei: soveshchanie etnografov Moskvy i Leningrada i diskussii v sovetskikh sotsial'nykh naukakh v 1920–1930-e gody [Marxist Ethnography in Seven Days: The Meeting of Moscow and Leningrad Ethnographers and Discussions in the Soviet Social Sciences in the 1920–1930s]. In *Ot klassikov k marksizmu: soveshchanie etnografov Moskvy i Leningrada (5–11 aprelia 1929 g.)* [From Classics to Marxism: The Meeting of Moscow and Leningrad Ethnographers (April 5–11, 1929)], edited by D.V. Arziutov, S.S. Alymov, and D.J. Anderson, 21–90. St. Petersburg: MAE RAN.
- Arutiunov, S., and D. Sergeev. 1969. *Drevnie kul'tury aziatskikh eskimosov* [Ancient Cultures of the Asiatic Eskimos]. Moscow: Nauka.
- Bogoslovskaiia, L.S. 2008. [Introduction to] Otchet po obsledovaniiu Chukotskogo poluostrova, 1930–31 g. [Report on the Investigation of the Chukotkan Peninsula, 1930–1931], by A.I. Kaltan. In *Tropoiu Bogoraza. Nauchnye i literaturnye materialy* [Down the Bogoras' Trail: Academic and Literary Materials], edited by L.S. Bogoslovskaiia et al., 284–285. Moscow: Institut Naslediiia – GEOS.
- Dikov, N.N., ed. 1974. *Ocherki istorii Chukotki s drevneishikh vremen do nashikh dnei* [Essays of the History of Chukotka from the Ancient Times]. Novosibirsk: Nauka.
- Gagen-Torn, N.I. 1971. Leningradskaia etnograficheskaia shkola v dvadtsatye gody (u istokov sovetskoi etnografii) [The Leningrad School of Ethnography in the Twenties (at the Origin of the Soviet Ethnography)]. *Sovetskaia etnografiia* 2: 134–145.
- Kaltan, A.I. 2008. Otchet po obsledovaniiu Chukotskogo poluostrova, 1930–31 g. [Report on the Investigation of the Chukotkan Peninsula, 1930–1931]. In *Tropoiu Bogoraza. Nauchnye i literaturnye materialy* [Down the Bogoras' Trail: Academic and Literary Materials], edited by L.S. Bogoslovskaiia et al., 285–342. Moscow: Institut Naslediiia – GEOS.
- Kan, S. 2023. *Lev Shternberg: etnolog, narodnik, borets za prava evreev* [Leo Shternberg: Ethnologist, Russian socialist, Jewish activist]. St Petersburg: Bibliorossika.
- Kiriushina, M. 1937. Koriatskaia ekspeditsiia 1937 goda [The 1937 Koryak expedition]. *Problemy Arktiki* 4: 135–136.
- Kononov, A.N., and I.I. Iorish. 1977. *Leningradskii Vostochnyi institut. Stranitsa istorii sovetskogo vostokovedeniia* [The Leningrad Oriental Institute: Pages of the History of the Soviet Oriental Studies]. Moscow: Nauka.
- Korsun, S.A. 2013. Etnograficheskie issledovaniia A.S. Forshteina na Chukotke [Ethnographic research of Alexander Forstein in Chukotka]. In “*Vseobshchee bogatstvo chelovecheskikh poznanii*”: materialy XXX Krashennikovskikh chtenii [The “Universal Treasure of Human Knowledge”: Proceedings of the 30th Krasheninnikov Readings], 169–172. Petropavlovsk-Kamchatskii: Ministerstvo kul'tury Kamchatskogo kraia.
- Krupnik, I., and M. Chlenov. 2013. *Yupik Transitions: Change and Survival at Bering Strait, 1900–1960*. Fairbanks: University of Alaska Press.
- Krupnik, I., and E. Mikhailova. 2006. Peizazhi, litsa i istorii: eskimosskie fotografii Aleksandra Forshteina (1927–1929 gg.) [Landscapes, Faces, and Stories: Eskimo Photographs by Alexander Forstein]. *Antropologicheskii forum* 4: 188–219.
- Leontiev, V.V. 1983. *Etnografiia i fol'klor kerekov* [The Kerek Ethnography and Folklore]. Moscow: Nauka.

- Levin, M.G., and L.P. Potapov, eds. 1956. *Narody Sibiri* [Peoples of Siberia]. Moscow and Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Liarskaia, E.V. 2016. "Tkan' Penelopy": "proekt Bogoraza" vo vtoroi polovine 1920-kh – 1930-kh gg. ["Penelope's Cloth": The "Bogoras' Project" in the Second Half of the 1920s–1930s]. *Antropologicheskii forum* 29: 142–186.
- Lukashevich, I.D. 1919. Kratkii ocherk vozniknoveniia Vysshikh Geograficheskikh Kursov, ikh deiatel'nosti i preobrazovaniia ikh v Geograficheskii Institut [A Brief Essay on the Emergence of Higher Geography Courses, Their Activities and Their Transformation into the Institute of Geography]. *Izvestiia Geograficheskogo instituta* 1: 38–66.
- Menovshchikov, G.A. 1959. *Eskimosy* [Eskimos]. Magadan: Magadanskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Mikhailova, E.A. 2004. Vladimir Germanovich Bogoraz: uchenyi, pisatel', obshchestvennyi deiatel' [Vladimir Germanovich Bogoraz: A Scholar, Writer, and Activist]. In *Vydaiushchiesia otechestvennye etnografy i antropologi XX veka* [Outstanding Russian Ethnographers and Anthropologists of the 20th Century], edited by V.A. Tishkov and D.D. Tumarkin, 95–136. Moscow: Nauka.
- Nikolaev, I.G. 1938. Predvaritel'nye rezul'taty geologicheskikh rabot Koriatskoi ekspeditsii 1937 goda [Preliminary Results of Geological Investigations of the Koryak Expedition, 1937]. *Problemy Arktiki* 3: 99–106.
- Obruchev, S.V. 1957. *Po goram i tundram Chukotki* [Over the Mountains and Tundras of Chukotka]. Moscow: Geografiz.
- Orlova, E.P. 1941. Aziatskie eskimosy [Asiatic Eskimos]. *Izvestiia Russkogo Geograficheskogo Obschestva* 73 (2): 201–222.
- Reshetov, A.M. 1995. Otdanie dolga [Paying Back the Debt]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 3–20.
- Reshetov, A.M. 2002. Aleksandr Semenovich Forshtein (1904–1968). Stranitsy biografii repressirovannogo uchenogo [Alexander Semenovich Forstein (1904–1968): Towards a Biography of a Purged Scholar]. In *III Dikovskie chteniia. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 70-letiiu Dal'stroia* [The 3rd Dikov Readings: Proceedings of an Applied Research Conference on Occasion of the 70th Anniversary of Dal'stroi], 275–279. Magadan.
- Shokarev, S.Y. 2024. Fotoal'bom A.A. Kampana – istochnik po istorii beregovoi Chukotki nachala 1930-kh godov [A. A. Kampan's Photo Album as a Source on the History of Coastal Chukotka in the Early 1930s]. *Kunstkamera* 3 (25): 102–120. doi 10.31250/2618-8619-2024-3(25)-102-120
- Vakhtin, N.B. 2004. "Za uspekhn beznadezhnogo dela": istoriia nevykhoda Entsiklopedii Dal'nevostochnnogo Kraia ["To the Success of Our Lost Cause": The Story of Unpublished Encyclopedia of the Far East]. In *Geopanorama russkoi kul'tury: provintsii i ee lokal'nye teksty* [Geopanorama of the Russian Culture: The Periphery and Its Local Texts], edited by L.O. Zaionts, 43–60. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.
- Vakhtin, N.B. 2016. "Proekt Bogoraza": bor'ba za ogon' [The "Bogoras' Project": A Struggle for Fire]. *Antropologicheskii forum* 29: 125–141.
- Vakhtin, N.B. 2023. U istokov severovedcheskogo obrazovaniia v Peterburge: sozidateli v epokhu interregnum [The Early Stage of Arctic Anthropology in St. Petersburg: Constructive Endeavors at the Time of Interregnum]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia* 1: 64–95.

- Vdovin, I.S. 1991. V.G. Bogoraz-Tan – uchenyi, pisatel', obshchestvennyi deiatel' (k 125-letiiu so dnia rozhdeniia) [V.G. Bogoras-Tan: Scholar, Writer, Activist (Toward the 125th Anniversary)]. *Sovetskaia etnografiia* 2: 82–92.
- Zamiatin, V.Y. 2018. Nauchnye fondy i biblioteka Arkticheskogo i antarkticheskogo NII [Scientific Archives and the Library of the Arctic and Antarctic Research Institute]. In *Muzei v Arktike i Arktika v Muzeiakh. Poliarnye chteniia na ledokole “Krasin” – 2017* [Museum in the Arctic, the Arctic in the Museums: Polar Readings on the Krasin Icebreaker – 2017], edited by P.A. Filin, 294–309. St.Petersburg: Sovkomflot.
- Zhukovskaia, I.V., and S.A. Korsun. 2010. Ukazatel' materialov po amerikanistike v arkhive MAE (Kunstkamera) RAN [Index of Materials on American Studies in the Kunstkamera Archives]. In *Elektronnaia biblioteka Muzeia antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN* [Electronic Library of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera)], 249. St. Petersburg. http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-02-025603-3